

Вашкевич И. В. Внутриполитическая борьба в Чехословакии в 1943 – 1948 гг. И. В. Вашкевич // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 4 / редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. — Минск: БГУ, 2009. — С. 75-83

И. В. Вашкевич

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В ЧЕХОСЛОВАКИИ
В 1943—1948 гг.

Падение «мировой социалистической системы» привело к качественным переменам в Центральной и Юго-Восточной Европе (ЦЮВЕ) и одновременно заставило исследователей по-иному взглянуть на события 40-х гг. XX в., приведшие к зарождению тоталитаризма и развитию по советскому образцу.

Усилиями чешских, словацких и российских историков накоплен обширный материал по истории Чехословакии. В 1940—1950-е гг. в центре изучения находилась освободительная миссия Советской армии в Европе, антифашистская борьба и восстановление разрушенного хозяйства. Хрущевская «оттепель» и Всесоюзное совещание историков 1962 г. положили начало формированию источниковой базы исследований, что способствовало попыткам всестороннего анализа событий заключительного этапа войны и первых послевоенных лет [1; 2; 3]. Первыми комплексными работами по истории ЧСР 1940-х гг. были монографии В. В. Марьиной и Г. П. Мурашко [4; 5]. Рассекречивание части архивных документов и снятие идеологических барьеров на рубеже 1980—1990-х гг. позволило переосмыслить накопленный материал и выдвинуть ранее замалчивавшиеся проблемы, как, например, воздействие «восточного фактора» на развитие внутренних процессов в ЦЮВЕ [6; 7; 8].

Сегодня изучению истории ЧСР 1940-х гг. способствует обширная источниковая база. В распоряжении исследователей — законодательные акты [9], партийные документы [10], материалы информационно-справочного характера [11; 12; 13], эпистолярные источники и мемуары [14]. Наиболее информативными из неопубликованных являются документы центральных российских архивов, в первую очередь РГАСПИ и АВП РФ.

Объединение антифашистских сил Чехословакии в 1943—1945 гг. В годы Второй мировой войны было создано два центра чехословацкой эмиграции. В Лондоне президент Э. Бенеш сформировал правительство, в которое вошли чехословацкие деятели, считавшие своей целью возрождение ЧСР в ее домюнхенских границах. Центром коммунистической эмиграции во главе с К. Готвальдом стала Москва. Вступление СССР в войну и признание им довоенных границ ЧСР и ее эмигрантского правительства подтолкнуло компартию (КПЧ) к поиску путей сближения с лондонским центром эмиграции. В декабре 1943 г. на переговорах в Москве представителями обоих центров был рассмотрен весь комплекс проблем, связанных с послевоенным устройством республики.

Стороны исходили из неприемлемости реставрации домюнхенских порядков и необходимости проведения реформ политическими группами, «доказавшими свою преданность нации», при активном участии самых широких слоев народа [15, s. 62—63]. Однако существовали серьезные различия в понимании перспектив ЧСР. Президент, исходя из теории правовой и конституционной непрерывности, согласно которой юридически Чехословакия не переставала существовать после 1938 г. [13, s. 137], рассчитывал, что члены эмигрантского правительства подадут демиссию, но будут выполнять свои функции вплоть до возвращения на родину. Коммунисты же, отвергнув предложение президента войти в правительство в Лондоне, свою позицию объяснили так: «Мы ... никак не можем взять на себя ответственность за нынешний состав правительства, за его общую линию, главным образом, в области внутрен-

ней политики» [15, s. 66, 39]. Произнося это, К. Готвальд намекал на присутствие в его составе бывших членов аграрной партии, сотрудничавшей с фашистами, а также на ряд принципиальных разногласий.

Основой послевоенного правительства должен был стать блок трех партий: КПЧ, социал-демократов (ЧСДП) и национальных социалистов (ЧНСП). Название — «Национальный блок трудящихся города и деревни» — акцентировало внимание на его общенациональном характере. Кроме партий блока, коммунисты предлагали включить в правительство представителей народной (НП) и аграрной партии, что должно было придать ему характер правительства Национального фронта. Это соответствовало и планам президента: в мае 1942 г. Э. Бенеш говорил, что чехословацкое правительство должно строиться по принципу «Фронт популэр» (т. е. «Народный фронт». — *И. В.*) с премьер-министром из левого крыла и радикальной социал-демократической программой [16, с. 212].

Дискуссиями о формировании нового правительства и создании Национального фронта в декабре 1943 г. закладывалась политическая основа послевоенной республики. КПЧ настояла на дополнении довоенной системы власти новыми органами — национальными комитетами (КНК), сформированными по территориальному принципу. Идея их создания принадлежала Э. Бенешу, а также соответствовала директивным установкам Секретариата ИККИ [17, с. 294, 301]. Сходство позиций Э. Бенеша и КПЧ касательно организации КНК носило скорее формальный характер, так как открытым оставался вопрос их компетенции и порядка формирования.

На переговоры в Москве стороны пришли с идеей создания национального государства чехов и словаков. В связи с этим актуализировалась проблема взаимодействия двух народов в рамках единой республики. Проект КПЧ исходил из права словаков «решать свою судьбу в рамках общего государства на основе принципа "равный с равным"» [15, s. 38]. Э. Бенеш и эмигрантское правительство, как сторонники теории «чехословакизма», рассматривали словацкий вопрос как административно-территориальную проблему. В частности, в беседе с наркомом иностранных дел СССР В. М. Молотовым в декабре 1943 г. Э. Бенеш подчеркнул, что под децентрализацией республики понимает ее разделение на четыре края и не признает автономию, так как «под этим словом каждый может понимать все, что угодно» [13, s. 159].

Концепция национального государства предполагала ликвидацию венгерского и немецкого населения республики. По данным переписи на 1 декабря 1930 г. в ЧСР проживало 3118 тыс. немцев, т. е. 22,5 % населения [18, с. 669]. На переговоры в Москве президент пришел с планом трансфера немецкого населения и заручившись согласием на этот счет Великобритании, США и СССР [13, s. 134—143]. Узнав об одобрении принципа трансфера советским руководством, КПЧ разработала концепцию, предусматривавшую выселение всех немцев и венгров (за исключением антифашистов), которое должно было проводиться как наказание за злодеяния «против демократии, республики и человечности» [15, s. 57]. Таким образом, несмотря на некоторые расхождения в подходах сторон к разрешению немецкой и венгерской проблемы, она стала фактором, консолидировавшим чехословацкие политические силы на заключительном этапе войны.

С решением национального вопроса было связано проведение социальных и экономических реформ. Позиция КПЧ выглядела умеренной: она предусматривала немедленное изъятие имущества, «которым немцы овладели по национальным, либо расовым причинам», а также имущества предателей. Однако в целях укрепления единства

антифашистского фронта в 1943 г. коммунисты пока не говорили о передаче конфискованного государству. Это положение было выдвинуто ими лишь в феврале 1944 г. в газете «Czechoslovak» [5, с. 63]. Э. Бенеш рассматривал мероприятия против немецкой собственности как начало «крупного социального переворота» в Чешских землях, так как, национализировав инациональное имущество, он намеревался «требовать это же от чехов» [13, s. 139]. Однако его проект принципиально отли-

чался от предложений КПЧ, поскольку предполагал возврат конфискованной собственности прежним владельцам.

Переговоры в Москве продемонстрировали, что президент пытался провести в жизнь концепцию конституционной непрерывности, однако, осознавая влияние чехословацких коммунистов в стране, а также роль СССР в системе международных отношений, в декабре 1943 г. он посчитал необходимым приблизить собственную платформу к установкам КПЧ. В свою очередь коммунисты понимали, что президент олицетворяет значительное большинство чехословацкой лондонской эмиграции, поэтому достижение соглашения с ним было непременным условием создания Национального фронта.

Договоренности президента с коммунистами были достигнуты без нажима извне. В 1943 г. советское руководство демонстрировало невмешательство во внутренние дела малых европейских государств. Личный секретарь Э. Бенеша Э. Таборский о встрече президента с В. М. Молотовым 16 декабря 1943 г. записал: «Зная, что на Западе существует тенденция подозревать их (т. е. советских руководителей. — *И. В.*) в желании оказывать влияние на внутреннее развитие событий в ЦЮВЕ, они явно поставили перед собой жесткие принципы, не только о внутренних делах не спрашивать, но лучше вообще от этих бесед уклоняться» [13, s. 162—163].

Национальный блок, созданный в феврале 1944 г. на основе договоренностей в Москве, выражал концепцию совместного движения социалистических партий по важнейшим вопросам национально-освободительной борьбы и одновременно должен был стать инструментом формирования Национального фронта. Уже первые месяцы работы Блока выявили разногласия между его участниками. В частности, предметом особого спора стал проект декрета президента о наказании за военные преступления. Коммунисты настаивали на проецировании понятия «коллорационист» на чехословацкую буржуазию, сотрудничавшую с немецкими властями в сфере экономики и поддерживавшую военное производство. Это должно было увеличить размеры конфискованной собственности. Однако большая часть национальной буржуазии (особенно словацкой) была замешана в сотрудничестве с оккупационными властями. Поэтому президент поддерживал тезис о «непреодолимом принуждении», т. е. о необходимости оправдать тех, кто в своей деятельности стал недобровольным помощником и жертвой нацистов [15, s. 162]. Оттягивая подписание декрета, Э. Бенеш сделал это лишь в феврале 1945 г., когда стало очевидно, что часть республики будет занята Советской армией. Подписав декрет в редакции, предложенной коммунистами, он тем не менее включил в него положение о «непреодолимом принуждении». Противоречия, возникавшие в Блоке, демонстрировали, что партнеры вкладывали разный смысл в соглашения, достигнутые в декабре 1943 г. К тому же, стремясь к компромиссным формулировкам издаваемых постановлений, партнеры по Блоку связывали с ними собственные планы и расчеты.

Наступление Советской армии в конце 1944 — начале 1945 г., поражение американцев в Арденнах, поступившее в МИД Чехословакии сообщение о договоренности Черчилля и Сталина о разделе мира на сферы влияния показали, что СССР будет принадлежать значительная роль в решении вопросов мирного

урегулирования в Европе. Это подтолкнуло Э. Бенеша уступить предложению советского руководства возвратиться на родину через Москву, где в марте 1945 г. процесс объединения антифашистских сил Чехословакии в рамках Национального фронта завершился созданием первого послевоенного правительства и принятием его программы. Основой программы стал проект КПЧ, составленный на базе договоренностей, достигнутых с представителями эмиграционного правительства в течение 1943—1944 гг.

Кошицкая программа (название получила от словацкого г. Кошице, где впервые была обнаружена 5 апреля 1945 г. — *И. В.*) провозглашала превращение ЧСР в национальное государство чехов и словаков путем выселения немецкого и венгерского меньшинства, чистки республики от фашистских элементов, а также наказания военных преступников, предателей и коллаборационистов. Новые органы власти — КНК — на практике превращались

в силы не только избираемые, но и контролируемые народом, что существенно ограничивало возможности довоенной элиты в управлении государством. При этом закреплялось ассиметричное устройство республики: предусматривалось существование центральных и словацких национальных органов власти без аналогичных чешских. В области экономики предполагалось значительное вторжение в инациональную собственность, а также в имущество предателей. Союз с СССР программа определяла как основную внешнеполитическую позицию государства. Подготовленная коммунистами, Кошицкая программа изначально составлялась таким образом, чтобы могла быть принята всеми элементами Национального фронта. Она содержала лишь общие принципы демократизации общественных отношений и предусматривала проведение мероприятий, которые должны были гарантировать защиту Чехословакии от повторения мюнхенской трагедии 1938 г., приведшей к потере ее государственной самостоятельности.

В результате дискуссий о составе нового чехословацкого правительства ЧСДП, ЧНСП и НП получили по 3 кресла, демократическая партия Словакии (ДП) — 4, чешские коммунисты — 3, словацкие — 4, 5 министров являлись беспартийными [15, с. 449—452]. Таким образом, коммунисты не просто впервые в истории ЧСР вошли в состав правительства, но, благодаря тому, что тактически разделили свою партию на чешскую и словацкую, заняли в нем прочные позиции, получив приблизительно треть мест.

Создание Национального фронта чехов и словаков, включившего представителей всех социальных слоев республики, стало итогом объединения антифашистских сил Чехословакии. Национально-патриотические настроения были преобладающей, но не единственной причиной, способствовавшей консолидации чехословацких партий в течение 1943—1945 гг. Осознание необходимости проведения социально-экономических, политических и национальных преобразований в послевоенной республике, стремление к участию в определении их темпов, глубины и направленности, а также влияние внешнего фактора (прежде всего советское военное и политическое присутствие в странах ЦЮВЕ, сотрудничество СССР с США и западноевропейскими державами в рамках антигитлеровской коалиции) способствовали объединению чехословацкого общества. Ситуацию 1945 г. К. Готвальд охарактеризовал так: «Мы одни править не можем, и они одни не могут тоже править. Они не могут править без нас, а мы — без них. Остается необходимость сотрудничества...» [14, с. 85].

Стремясь к созданию Национального фронта, каждая из сторон преследовала и собственные цели. Для некоммунистических партий Фронт выступал как возможность корректировать направленность общественного развития, держать под контролем деятельность коммунистов и препятствовать распространению их влияния в республике. Намерения коммунистов К. Готвальд в 1945 г. выразил так: «Нет — социалистическая революция и диктатура пролетариата. Но — национально-демократическая революция,

блок рабочих, крестьян, городских средних слоев и интеллигенции» [15, s. 106]. Таким образом, идея парламентаризма импонировала самым широким слоям чехословацкого общества, что, в свою очередь, соответствовало планам Советского Союза, стремившегося «к созданию сильной Чехословакии, которая... способна быть важным проводником нашего (т. е. советского. — *И. В.*) влияния в Центральной и Юго-Восточной Европе» [12, с. 30].

Борьба за реализацию Кошицкой программы. Политическую основу послевоенного государства составил Национальный фронт чехов и словаков, объединивший ЧНСП, ЧСДП, НП, ДП, а также словацкую и чешскую компартии. Четыре из шести партий Фронта связывали будущее республики с социализмом, который у большинства ассоциировался с демократией. Эти понятия настолько укоренились в сознании, что, по словам председателя ЧНСП П. Зенкла, тот, кто решился бы выступить против них, «исчез бы в политической пропасти» [19, s. 50]. Вместе с тем обществу было предложено несколько интерпретаций социализма и путей движения к нему.

ЧНСП отметала свою причастность к классовому социализму и считала себя представительницей чешского национального социализма [11, с. 574; 10, s. 87]. Социализм в ее понимании являлся «не чем иным, как выражением старой христианской любви к ближнему» [20, s. 2]. Идеологическим оппонентом национальных социалистов являлась компартия. С одной стороны, она заявляла о приверженности марксизму-ленинизму [21, л. 8]. С другой стороны, на VIII съезде партии в марте 1946 г. член ее руководства В. Копецкий заявил, что коммунисты не против того, чтобы «социальная справедливость проповедовалась в религиозном духе», а социализм толковался как «осуществление социального равенства и христианской общности людей». Более того, КПЧ возражала против попыток противопоставить ее идеологию масариковской демократии [22, л. 131—133]. В программе ЧСДП, принятой в октябре 1945 г., значилось, что вся идеология партии строится на позициях научного социализма, который понимался как своеобразный «способ мышления», отличавшийся «от прежних устарелых методов тем, что он не признает неизменных законов» и исходит из постулата о том, что «все подчинено изменению и движущим силам постоянного развития» [23, л. 34].

В основе концепций ЧНСП, ЧСДП лежала идея мирного перехода к социализму. Так, Бенеш, идеолог ЧНСП, подчеркивал возможность построить социализм «постепенно ... без насилия и без нарушения правовых связей..., без диктатуры пролетариата» [11, с. 575—576].

Реальность «чешского пути» к социализму признавала в первые годы после освобождения и компартия. При этом взгляды коммунистов находились в едином русле с позицией советского руководства. В июле 1946 г. в беседе с К. Готвальдом И. В. Сталин указал на то, что «не существует только одного пути через Советы и диктатуру пролетариата, поскольку при определенных условиях может быть и иной путь» [11, с. 832, 579].

Христианскую демократию, трактуемую как «демократию, основанную на нравственных принципах и равенстве людей в смысле христианского учения», провозгласила своей политической программой НП [24, s. 3]. К тому же в высказываниях представителей НП можно было обнаружить аналогии с тезисами национальных социалистов. Так, НП признавала социализм, носящий «чисто чехословацкий характер», а также собственный, чехословацкий путь к нему [11, с. 576—577].

ДП, являясь молодой партией, стремилась интегрировать в своей программе максимум интересов. Она выступала с многозначительными призывами к свободе и демократии, объявляла себя сторонником политики религиозной терпимости и гуманности, а также идей Т. Г. Масарика. Вместе с тем требование признания

национальной самобытности словаков шло вразрез с масариковским «чехословакизмом». Хребтом и опорой государства ДП называла крестьянство. Социализм в своей первоначальной форме партия считала «практически неосуществимым» [15, s. 264]. Иными словами, идеология ДП представляла собой смесь христианско-социальной доктрины, национализма, аграризма и масариковской теории.

Таким образом, несмотря на различную интерпретацию социализма, все партии Фронта рассчитывали на относительно «безболезненный» переход к новому устройству ЧСР. Общенациональной консолидации способствовала и расстановка политических сил в верховных органах власти, низовых структурах, а также в массовых общественных организациях. Национальный фронт представлял собой закрытую политическую систему, допускавшую политический плюрализм только внутри себя. Само существование этой системы делало парламент, правительство и другие органы власти местом межпартийных столкновений. Если в правительстве действовал принцип паритета, то в местных органах власти сложилась иная обстановка. По результатам выборов, проведенных в мае 1945 г. в национальные комитеты, большинство, а именно 37 % составили коммунисты, национальные социалисты имели 16 % мест, представители НП — 15 %, социал-демократы — 14 %, беспартийные — 15 % [7, с. 120]. В Словакии сложилась аналогичная ситуация. К тому же коммунисты практически повсеместно заняли посты председателей национальных комитетов [25, s. 125].

Под контроль КПЧ попали и органы безопасности. В октябре 1945 г. коммунист Р. Сланский, информируя ЦК ВКП(б) о ситуации в республике, сообщил, что в руках КПЧ находится не только МВД, но и отделы безопасности в крупнейших городах страны. К тому же в функционировании силовых ведомств особая роль принадлежала советским советникам. Еще в феврале 1945 г. ГКО СССР принял постановление о выделении советских советников Польше для оказания помощи в организации аппарата МВД [8, с. 599—600]. По аналогии с этим документом были изданы инструкции, определявшие компетенции советников в структурах госбезопасности других стран ЦЮВЕ. Результатом явилось создание разветвленной структуры института советских советников, предоставившей Москве дополнительную возможность воздействовать на ситуацию в Чехословакии, направлять политическое и экономическое развитие республики и одновременно контролировать его [8, с. 601]. Нейтрализация силовых ведомств позволила КПЧ занять такие позиции, которые фактически открыли ей доступ к власти, по крайней мере к насильственному ее захвату, в случае необходимости. По сути это являлось косвенным подтверждением того, что КПЧ рассматривала Национальный фронт как временную (пусть и длительную) реальность. Да и сам К. Готвальд в декабре 1945 г. заявил, что для коммунистов Национальный фронт — не самоцель, а средство достижения их социалистических идеалов [6, с. 48].

Платформой восстановления республики после завершения войны стала Кошицкая программа. Однако слишком общие ее положения привели к тому, что уже летом 1945 г. четко проявились противоречия между партиями Национального фронта по вопросам направленности реформ. Допуская выход за пределы, предусмотренные правительственной программой, партии либерально-демократического толка (ЧНСП, НП, ДП) стремились ограничить преобразования национальными рамками. Близость социально-экономических платформ этих партий вылилась в создание их блока во время реализации экономических разделов Кошицкой программы, а также при обсуждении декретов о национализации промышленности, банков и финансово-кредитных учреждений и декретов о проведении земельной реформы в ЧСР. В такой ситуации для продвижения своих проектов КПЧ и ЧСДП начали активно использовать практику апеллирования к народу, а точнее к наименее обеспеченным его слоям. Это показало, что

к концу 1945 г. Социалистический блок фактически прекратил свое существование. Вместе с тем новая коалиция (ЧНСП, НП и ДП) не сложилась как постоянная единица во многом из-за того, что чешские партии не смогли преодолеть своих националистических настроений и боязни перед словацким сепаратизмом. Чешские власти в отношении словакам руководствовались формулой «К себе ближе!» [26, с. 2]. Со своей стороны словаки практически не допускали центральное правительство «к проведению активной деятельности» [11, с. 199—200], так как всей полнотой власти там обладал созданный в годы войны Словацкий национальный совет (СНС).

Несмотря на значимые разногласия между партнерами по Фронту, сам факт его существования позволял в 1945 г. решать на его базе спорные вопросы. В частности, к концу 1945 г. усилиями партий были реализованы основные положения Кошицкой программы, что свидетельствовало об окончании антифашистской демократической революции в стране. Более того, социально-экономические мероприятия, проведенные летом — осенью 1945 г., говорили о выходе за ее рамки, а также означали глубокое вмешательство в социальную структуру и характер экономических отношений в республике: они санкционировали начало развития многоукладной экономики с доминирующими позициями госсектора в ней. Так, 24 октября 1945 г. президент Э. Бенеш подписал четыре декрета о национализации банков, страховых компаний, шахт, а также предприятий из 27 отраслей промышленности. В тот же день был подписан декрет о заводских советах, обеспечивший им право контроля за деятельностью предприятий и участие в управлении производством. В соответствии с декретами собственником национализированного сектора становилось государство, но при этом национализи-

рованные предприятия объявлялись юридически самостоятельными единицами. [9, с. 282—301, 302—318; 5, с. 160]. Торговля, мелкие и средние предприятия оставались в частной собственности. В итоге реализации октябрьских декретов к концу 1946 г. в Чехословакии было национализировано около 70 % всего промышленного производства, в котором было занято свыше 61 % рабочих и служащих [27, л. 87]. Отсутствие призывов к восстановлению домюнхенских порядков, концепция национального пути к социализму, необходимость решения общегосударственных проблем, а также расстановка социально-политических сил в верховных органах власти и «на местах» ориентировали чехословацкое общество на внутривластный компромисс и консолидацию, что несколько снижало накал борьбы в республике.

Политическая борьба в 1946 — начале 1948 г. К началу 1946 г. основные положения Кошицкой программы были выполнены, а значит подошло к завершению ее консолидирующее воздействие на общество. В такой ситуации первой реальной пробой Национального фронта «на прочность» стали выборы в Учредительное национальное собрание 26 мая 1946 г. Итоги парламентских выборов, с одной стороны, свидетельствовали о поляризации сил в республике, что наиболее ярко проявилось в Словакии, где большинство голосов получила ДП (61,43 %). С другой стороны, они подтвердили сильную позицию КПЧ, чья программа «собственного пути к социализму» была нацелена на удовлетворение запросов беднейших слоев чехословацкого общества и, как казалось, была способна обеспечить высокие темпы прорыва из отсталости. И наконец, уверенные позиции чехословацких коммунистов (в Чехии — 43,25 % голосов, в Словакии — 30,47 %) показали, что сотрудничество с ними продолжительное время будет являться желательным для остальных партий Национального фронта [28, л. 45—46].

Оказавшись ведущей силой в республике, КПЧ, тем не менее, и сама подтвердила стремление к продолжению сотрудничества в рамках Национального фронта, что было вызвано реальным соотношением сил в правительстве, парламенте и «на местах» (позиции ЧСДП — КПЧ, ЧНСП — ДП — НП были приблизительно равны), а также

внешнеполитическим курсом СССР, направленным на сдерживание радикальных настроений в восточноевропейских государствах.

Следствием взаимных уступок и сотрудничества чехословацких партий явилось принятие 11 июля 1946 г. «Созидательной программы» правительства К. Готвальда и двухлетнего плана развития и восстановления страны. Однако в рамках реализации этих документов четко обрисовалось две перспективы развития республики: «углубление революционного процесса», предлагаемое КПЧ, которое понималось как усиление госконтроля за деятельностью частного капитала, а также защита и расширение общественного сектора при конституционных гарантиях неприкосновенности частного; либо развитие на базе уже реально существовавшей смешанной экономики. Реализация «Созидательной программы» и двухлетнего плана продемонстрировала нарушение общенационального консенсуса и ожесточила борьбу между партиями за политическое лидерство с тем, чтобы обеспечить продвижение собственной альтернативы развития. В такой ситуации наиболее выигрышную позицию занимала КПЧ, чья программа политического и экономического прорыва из отсталости, рассчитанная на интересы социально наиболее слабых слоев населения, воспринималась преобладающей частью чехословацкого общества как гарантия стабильности и возможность достижения немедленного эффекта от реформ.

Следствием проигрыша коммунистов на выборах в Словакии явилась их новая тактическая задача, направленная на завоевание большинства народа «мирным путем», которая в январе 1947 г. была объявлена официальной линией республики. Во второй половине 1946 г. КПЧ предприняла попытки нейтрализовать своих основных политических конкурентов — функционеров ДП — в центральных органах власти. Националистический блок чешских партий, направленный против словацких демократов, отстаивал невозможность «ни в коем случае... принять самостоятельную Словакию» [29, л. 30], чем облегчил коммунистам их

задачу. В результате заключения трех Пражских соглашений словацкие национальные органы деградировали до уровня безвластных учреждений, подчиненных республиканскому правительству. Таким образом, решение чешско-словацких взаимоотношений происходило после выборов 1946 г. в соответствии с властными намерениями КПЧ.

Середина 1947 г. стала переломным этапом в развитии республики. Трансформация международных отношений, оформление биполярной структуры мира способствовали изменению внешнеполитического курса Кремля в отношении государств ЦЮВЕ. Результатом прямого давления со стороны советских лидеров стал отказ Чехословакии от участия в Европейской экономической конференции в июле 1947 г. Газета «Svoboda» прокомментировала это событие так: «Если бы была наша (т. е. чехословацкая. — *И. В.*) политика независимой, мы бы пошли без колебаний в Париж, что мы сначала и хотели сделать» [27, л. 103]. Вместе с тем следует учитывать, что чехословацкое руководство не сразу получило информацию об условиях помощи, предлагаемой США, поэтому могло оценивать лишь ее экономические выгоды. Сама же цель американской инициативы (создание западного блока, причем с участием Западной Германии) была абсолютно неприемлемой не только для СССР, но и для Чехословакии. Так, национальный социалист, министр юстиции П. Дртина писал, что правительство изменило свою позицию под влиянием СССР, но не в его интересах. Основную роль сыграло понимание того, что ЧСР лежит «не между Западом и Востоком, но между Германией и Советским Союзом» [30, s. 1—2].

Сразу же после вынужденного отказа от участия в конференции по плану Маршалла настроения в некоммунистических партиях резко изменились. Так,

руководство ЧНСП расценило неучастие в плане как конец эпохи сотрудничества с коммунистами [1, с. 533]. Экономические трудности, нарастание политического кризиса в Словакии, объединение партий некоммунистического спектра, блокировавших практически все предложения КПЧ, а также совещание компартий европейских стран в Шклярской Порембе в сентябре 1947 г., положившее начало новой стратегической линии КПЧ, направленной против концепции национального пути к социализму, сделали неизбежным окончательный развал Национального фронта. В дни февральского кризиса 1948 г., когда 6 из 12 министров подали в отставку в знак протеста против увольнения по инициативе КПЧ из Корпуса национальной безопасности 8 представителей некоммунистических партий, поддержка народных масс сыграла решающую роль в установлении монопольной власти КПЧ и завершении политической вариативности развития Чехословакии.

Послевоенная ЧСР не была традиционной парламентской республикой. Отсутствие системы правительственных и оппозиционных партий рождало боязнь оказаться в оппозиции, выйти из Национального фронта, а значит покинуть правительство и парламент, и сдерживало внутривластные противостояние. Однако, с другой стороны, оно же провоцировало использование непарламентских методов борьбы. Внешний фактор, выступавший регулятором внутривластных процессов, в 1943—1946 гг. оказывал объединяющее воздействие на чехословацкое общество, и напротив, в 1947 г. ускорил вызревавшие в Чехословакии изнутри межпартийную конфронтацию, социальную напряженность и политический кризис.

ЛИТЕРАТУРА

1. Народные и национальные фронты в антифашистской освободительной борьбе и революциях 40-х годов / А. Я. Манусевич [и др.]. М. : Наука, 1985. 639 с.
2. *Boucek, M.* Program revolucie. K vzniku Kosickeho vladneho programu / М. Boucek, М. Klimes, М. Vartlkova. Bratislava : Pravda, 1975. 292 s.
3. *Plevza, V.* Roky prelomu (1945—1948) / V. Plevza, J. Bob. Bratislava : Tatran, 1988. 336 s.
4. *Марьина, В. В.* Крестьянство в революциях 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы / В. В. Марьина. М. : Наука, 1984. 312 с.

5. *Мурашко, Г. П.* Политическая борьба в Чехословакии в 1944—1948 гг. и национализация средств производства / Г. П. Мурашко. М.: Наука, 1986. 328 с.
6. *Sovetizace vychodni Evropy. Zeme stredni a jihovychodni Evropy v letech 1944—1948* / М. Tejchman [aj.]. Praha : Historicky ustav, 1995. 283 s.
7. *Волокитина, Т. В.* Народная демократия: миф или реальность? / Т. В. Волокитина, Г. П. Мурашко, А. Ф. Носкова. М. : Наука, 1993. 344 с.
8. *Волокитина, Т. В.* Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа (1949—1953) / Т. В. Волокитина [и др.]. М. : РОССПЭН, 2002. 686 с.
9. *Cestou kvetna. Dokumenty k pocatku nasi narodni a demokraticke revoluce. Duben 1945 — kveten 1946.* Praha : Svoboda, 1975. 494 s.
10. *Koho volit? Programy politickych stran.* Praha : Nase vojsko, 1946. 154 s.
11. Восточная Европа в документах российских архивов. 1944—1953 гг.: в 2 т. / редкол.: Г. П. Мурашко (отв. ред.) [и др.]. М.: Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997—1998. Т. 1: 1944—1948 гг. 1997. 986 с.
12. Советский фактор в Восточной Европе. 1944—1953 гг.: Документы: в 2 т. / редкол.: Т. В. Волокитина [и др.]. М. : РОССПЭН, 1999—2002. Т. 1: 1944—1948 гг. 1999. 687 с.
13. *Ceskoslovensko-sovetske vzťahy v diplomatickych jednanich 1939—1945: Dokumenty: v 2 d.* Praha, 1998—1999. D. 2: Cervenec 1943 — bfezen 1945. 1999. 663 s.

14. *Готвальд, К.* Избранные произведения: в 2 т. / Клемент Готвальд. М. : Гос. изд-во полит. литературы, 1957. Т. 2: 1939—1953. 500 с.
15. *Cesta ke Kvetnu. Vznik lidove demokracie v Ceskoslovensku: v 2 sv. / ed. M. Klimes [aj].* Praha: Nakladatelstvi Ceskoslovenske Akademie ved, 1965. Sv. 1. S. 1—454.
16. Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений: в 5 т. М. : Наука, 1973—1988. Т. 4. Кн. 1: Март 1939 — декабрь 1943. 1981. 424 с.
17. Коминтерн и вторая мировая война: в 2 ч. М.: Памятники исторической мысли, 1994 — 1998. Ч. 2: После 22 июня 1941 г. 1998. 597 с.
18. СССР и германский вопрос. 1941—1949: Документы из Архива внешней политики Российской Федерации: в 2 т. / сост. Г. П. Кынин [и др.]. Т. 1: 22 июня 1941 г. — 8 мая 1945 г. М. : Междунар. отношения, 1996. 784 с.
19. *Tři roky: Přehledy a dokumenty k ceskoslovenske politice v letech 1945 az 1948: v 2 d. / Masarykova sociologicka spolecnost.* Brno: Melantrich, 1991. D. 1: Udalosti od osvobozeni na jafe 1945 do provedeni voleb v kvetnu 1946. 498 s.
20. *Zenkl, P.* K programu strany / P. Zenkl // *Svobodne slovo.* 1947. 4 bfezna. S. 1—6.
21. АВП РФ. Ф. 138. Оп. 26а. П. 90. Д. 6 — Информационные материалы о стране.
22. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 902 — Мероприятия чехословацкого правительства в области экономики.
23. АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 28. П. 140. Д. 3 — Справка о съезде ЧНСП.
24. *Prochadzka, A.* Lidova strana v Narodni fronte / A. Prochazka. Praha : Narodni a universitni knihovna, 1946. 16 s.
25. *Hora, O.* Svedectvi o puci. Z bojii proti komunizaci Ceskoslovenska: v 2 sv. / O. Hora. Praha: Melantrich, 1991. Sv. 1. 336 s.
26. *Vybudovani vsestranne demokracie // Svobodne slovo.* 1945. 16 listopadu. S. 2.
27. АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 28. П. 140. Д. 4 — Справка по Чехословакии.
28. АВП РФ. Ф. 138. Оп. 26. П. 43. Д. 13 — Справка по Словакии.
29. АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 28. П. 140. Д. 20 — Перевод речи Президента ЧСР Э. Бенеша.
30. *Drtna, P.* V zajmu Ceskoslovenska / P. Drtna // *Svobodne slovo.* 1947. 23 cervence. S. 1—2.

SUMMARY

The article is devoted to the analysis of the political struggle in Czechoslovakia in the context of its influence on the formation and development of state policy. The author discovers the nature, direction and features of the internal political struggle at the final stage of World War II and the first peace years exploring the complex of priority problems for the republic.